

Апокалиптическія мелочи.

«Не говори мнѣ: что сможемъ сдѣлать мы, двѣнадцать человекъ, вступивъ въ среду такого множества людей? Въ томъ самомъ и обнаружится ясная ваша сила, что вы, внимающие во множество не предадитесь бгг-ству». (Св. Іоаннъ Златоустъ).

Одному, недавно прославленному, французскому подвижнику 19-го вѣка, Господь далъ то, чего тотъ просилъ: видѣніе всѣхъ глубинъ его грѣховности. Видѣніе было столь ужасно, что святой сталъ взызаетъ къ Господу, прося закрыть ему очи, и сдѣлать его опять подобнымъ всѣмъ людямъ, не ощущающимъ вопіющей смертности своей природы.

Нѣкоторымъ людямъ непонятно удивительное смиреніе святыхъ (говорятъ: «вѣдь они же не могутъ не знать, что они лучше другихъ!»). Но смиреніе постигается не «душевной» психологіей. Святсы смиренъ не на словахъ, потому онъ и святой, — онъ *истинно* видитъ испорченность челвѣческаго естества — такую великую, такую безмѣрную, отъ видѣнія которой — и отъ ощущенія Отцовства Божьяго — ему ничего не возможно дѣлать, какъ только взызаетъ къ Богу о помилованіи, и самому снижаться ниже пепла. Отъ чистоты совѣсти, малѣйшій грѣхъ кажется чудовищнымъ, словно огромное увеличительное стекло накладывается на покаянное сознаніе чело-вѣка. И это *не духовная педагогика*. Это — *реальное ощущеніе истины*.

Бѣдный міръ, въ какомъ ужасномъ миражѣ онъ живетъ.

Жилъ въ мірѣ, въ Италіи, шесть вѣковъ тому назадъ, одинъ смертный, который на своемъ знамени написалъ: «Я герцогъ Вернеръ, вождь великой Кампаньи, врагъ Бога, состраданія и сожалѣнія». Подобная чистота богобор-

чества можетъ быть только среди людей глубокой вѣры.

Теперь, открывъ газету, читаемъ: «Эмиль Лубэ и королева халвы». «Бывшій президентъ республики, Эмиль Лубэ, которому исполнилось уже 90 лѣтъ, совершенно отошелъ отъ политической жизни, но принимаетъ, иногда, участіе въ дѣлахъ своего родного города Монтеммара. Въ праздникъ Успенія, подъ предсѣдательствомъ Лубэ, въ Монтелимарѣ, славящемся своей халвой, происходили выборы изъ мѣстныхъ красавицъ «королевы халвы». Корона, изъ рукъ бывшего президента республики была возложена на мѣстную работницу Розу Лебель».

Несмотря на очень гуманную церемонію старца Лубэ, всякому, не останавливающемуся на поверхности явленій, станетъ ясно, что торжественный праздникъ халвы въ праздникъ Успенія, и афродитическое богослуженіе цѣлаго города, въ день памяти Преставленія Богоматери, есть прямое продолженіе дѣла герцога Вернера, врага Бога. Герцогъ только жилъ въ религіозную эпоху, и свое богопротивленіе облекъ, пусть отрицательно, но въ религіозно-волевою форму. (Такъ же облакаютъ теперь свое дѣло противники Божьи въ средѣ вѣрующаго русскаго народа).

Случай въ Монтелимарѣ очень характеренъ: онъ, во-первыхъ, наглядно показываетъ характеръ того «рая на землѣ», о которомъ мечтаетъ зебродоподобное челоуѣчество; а потомъ, вообще, въ немъ полностью выражены всѣ высоты міро-

ощущенія, всѣ «праздничныя цѣнности» людей тлѣннаго вѣка. Вождь великаго народа, человеконбранный образецъ челоѣчества, на краю могилы естаетъ во весь свой духовный ростъ... Народный праздникъ культа Венеры и культа вкусовой сласти, въ день Успенія Божіей Матери... Невольно вспоминаешь (какъ очевидецъ) бѣснованіе міровой столицы — Парижа, въ минуты ньюіоркской драки національнаго боксера Карпантье съ его американскимъ противникомъ; — всѣ эти толпы, эти сбѣтоемые аэроплан-ные сигналы на ночномъ небѣ...

Гдѣ мы живемъ, кто этотъ міръ, что окружаетъ насъ? Кто смѣетъ насъ призывать къ любви къ такому міру? Любить челоѣка, любить образъ Божій въ немъ, это значить всѣми силами своей души возненавидѣть тотъ космическій миражъ, которымъ окутанъ отошедшій отъ Бога міръ.

Соедѣмъ недавнее, незамѣтное сообщеніе газеты: на сценѣ одного австрійскаго курорта шла какая то комедія, роль камердинера въ этой комедіи исполнялъ «извѣстный комикъ» Юліусъ Твердый. Среди комедіи, комикъ упалъ; публика, думая что *все входитъ въ игру*, встрѣтила это паденіе взрывомъ хохота. Когда хохотъ стихъ, всѣ увидѣли, что комикъ мертвъ.

Что же это случилось такое? Челоѣкъ, вѣроятно, много лѣтъ духовно умиралъ предъ людьми, внося соблазнъ забвенія всего Христова; и вотъ, не доигралъ игры — умеръ при оглушительномъ хохотѣ міра. А люди, надъ кѣмъ они смѣялись? — надъ мертвымъ челоѣкомъ

Какой глубокой смыслъ въ этомъ. Мы почти всѣ, умираемъ при хохотѣ веселящагося міра, пусть не въ нашей комнатѣ хохочетъ, а въ сосѣдней, пусть не надъ нами, а надъ какимъ нибудь бѣднымъ, воистину несчастнымъ Юліусомъ..

До какихъ поръ мы, христіане, не порывающіе съ названіемъ христіанъ, будемъ двуликими (и хорошо еще, если двуликими) въ нашей жизни? Даже если не говорить о дѣлахъ, но говорить о переомъ: *объ ощущеніи жизни*. Наши оцѣнки, наши интересы, наша *психологія*, до такой степени проникнуты, какъ грѣховной страстностью, такъ и грѣховной бездушностью вѣка, что Благодать Божья не можетъ не уходить отъ насъ. Живя даже не въ язычествѣ, а уже въ богоотступническомъ мірѣ, мы, внѣшне держась за христіанство, отдаемъ себя во власть всей жизни этого міра, міра уже начинающаго колебаться въ преддверіи страшныхъ катастрофъ.

Насъ связываютъ теплохладныя привычки. Мы привыкли жить въ мірѣ какъ въ удобно обставленной комнатѣ, и намъ трудно понять, что міръ нашъ есть огненный шаръ сжигаемаго творенья, къ которому прикоснулся Богъ Отеческимъ прикосновеніемъ.

Сѣрость нашего сердца, и нашего ума, мы считаемъ за сѣрость минутъ Богомъ данной намъ жизни: Пребывая Вездѣсущимъ, Господь далекъ отъ нашихъ сердець, ибо быть съ Нимъ нельзя безъ любви къ Нему, а любить Его нельзя, не возненавидя, *всею душою*, «похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую», которыми отравлено сердце міра. Да не смущаются люди, читая евангельское слово «ненависти». Это — отверженіе вѣчной смерти, столь же огненное, какъ и любовь къ вѣчной Христовой жизни. «Міръ, котораго Іоаннъ Богословъ повелѣваетъ не любить — не созданія, но мірскія похоти», — вѣдь такъ говоритъ Церковь о мірѣ, словами священномученика Петра Дамаскина.

Многіе удивляются мудрости и любви Евангельской; но нельзя имъ удивляться, не удивившись сперва безумности челоѣческаго окаменѣннаго сердца, ен

урашася растрѣнности міра и челоѣка. Христіанамъ потому Господь закрылъ доступъ къ живому чтенію Слова Божьяго (страшный фактъ нашего времени), что они не отвергають зла, не отрываютъ сердца отъ косной стихіи міра, а погружаются въ нее все глубже и глубже, подъ всякими, даже высокими предлогами.

Человѣчество теряетъ ощущеніе грѣха. Это есть признакъ утери Бога. Подъ именемъ «зла», люди, мнящіеся быть христіанами, начинаютъ отвергать не зло, а послѣдствія зла. Это отверженіе, эта борьба не съ существомъ зла, а лишь съ его послѣдствіями выпукло обнаруживается въ сектантскомъ «отрицаніи» войны, какъ «зла», и въ столь же далекомъ отъ Христа утвержденіи побѣды надъ «зломъ», чрезъ побѣду челоѣческаго меча.

Но грѣхъ надо ощутить, какъ грѣхъ; отвергнуть его какъ *грѣхъ*, — *предъ Богомъ*, не глядя на челоѣческія лица (будь то лицо челоѣка, или цѣлой страны). Въ христіанскомъ мышленіи насущно необходимо очистить понятія «добра» и «зла», какъ не личныхъ, не коммерческихъ, не общественныхъ, не государственныхъ категорій, а церковно-абсолютно Божьихъ.

Только понявъ *зло*, какъ единый *грѣхъ*, ощутивъ его такъ, какъ повелѣлъ его ощущать Господь, христіане смогутъ противостать, благодатной силой, коснымъ стихіямъ и сознательно-растрѣвающей силѣ міра, берущей, сейчасъ, надъ челоѣкомъ, все болѣе мучительную, и все меньше замѣчаемую власть.

Иеромонахъ Іоаннъ.

Бѣлая Церковь.

Въ Россіи существуетъ болѣе 10 органовъ Коммунистическаго Союза Молодежи и нѣтъ ни одного Православнаго журнала.

Добротолубіе.

ДОБРОТОЛУБИЕ СОДЕРЖИТЬ
МНОГОПОЛЕЗНОЕ СКАЗАНИЕ ОБЪ
АВВѢ ФИЛИМОНѢ.

(Обстоятельство и время его жизни
неизвѣстно).

1. Говорили объ аввѣ Филимонѣ отшельникѣ, что онъ заключилъ себя въ нѣкоей пещерѣ, недалеко отстоящей отъ Лавры называемой Роміевою, и предался подвижническимъ трудамъ, мысленно повторяя себѣ тоже, что, какъ передають говорилъ себѣ великій Арсеній: Филимонъ, зачѣмъ изшелъ ты сюда? Довольное время пребывалъ онъ въ этой пещерѣ. Дѣломъ его было вить верви и сплетать кошницы, которыя отдавалъ онъ эконо-

му, а отъ него получалъ небольшіе хлѣбцы, коими и питался. Онъ ничего не ѣлъ кромѣ хлѣба съ солю, и то не каждый день. О тѣлѣ, какъ видно, совсѣмъ не имѣлъ онъ попеченія, но, упражняясь въ созерцаніи, былъ осѣняемъ Божественнымъ просвѣщеніемъ, и, сподобляясь оттолѣ неизреченнаго тайноводства, пребывалъ въ духовномъ радованіи. Иця въ церковь по субботамъ и воскресеньямъ, онъ шелъ всегда одинъ въ самоуглубленіи, не позволяя никому приближаться къ себѣ, чтобъ умъ не отторгался отъ дѣланія своего. Въ церкви же, ставъ въ углу и лицомъ поникши долу, испускалъ источники слезъ, непрестанно имѣя сѣтованіе, и въ умѣ вращая память смерти и образъ святыхъ Отцевъ, особенно Арсенія великаго, по